

Московский педагогический государственный университет

Проблемы филологии народов Поволжья

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
(1–2 апреля 2010 г.)

Выпуск 4

Москва–Ярославль
Ремдер
2010

ББК 81.2 рус -3+83.3 (2 Рос)
УДК 808.2 + 820/89.09

Редакционная коллегия:

К.ф.н., профессор А.А. Баранникова;
Д.ф.н., профессор И.Г. Добродомов;
К.ф.н., доцент Л.Г. Латфуллина;
Д. ф.н., профессор А.Т. Сибгатуллина (ответственный редактор).

Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (1–2 апреля 2010 г.). /отв. редактор А.Т. Сибгатуллина. – Вып. 4. – М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – 300 с.

ISBN 978-5-94755-241-6

Печатается по решению Ученого совета филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

© Авторы материалов, 2010.

© Отв. редактор А.Т. Сибгатуллина, 2010.

© Филологический факультет МПГУ, 2010.

подход к фольклору, когда лингвистическое описание концепта дополняется анализом семантики его невербального контекста, причем речь в данном случае идет именно о функционально-семантическом анализе.

Такая теоретическая установка, в основе которой соединение концептуального и функционально-семантического анализа, определяет научную концепцию исследовательского проекта «Концептосфера татарского фольклора», выполняемого Государственным центром сбора, хранения, изучения и пропаганды татарского фольклора при поддержке гранта РГНФ. Результаты данного исследования предполагается представить в виде словаря концептов татарского фольклора.

Примечания:

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концептосфера татарского фольклора». Проект № 09-04-29407 а/В

ЛИТЕРАТУРА:

Арикеева З.М. Традиционный родильный обрядовый комплекс татар, проживающих в Саратовской области и Мордовии/ З.М. Арикеева//Татар халык ыжаты. Фэнни эзләнүләр хэм фольклор урнэклэре. – Казан: Алма-Лит, 2007. – С. 26–33.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании/ С.Г. Воркачев// Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–73.

Нехлюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и знание традиции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov21.htm>

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике/ Н.И. Толстой. – М., 1995.

Цивьян Т.В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре/ Т.В. Цивьян// Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 13–17.

Ившина М. В. (Ижевск)

Современная удмуртская драматургия: координаты поисков

Удмуртская драматургия 1980–2000-х годов представляет собой единый литературный процесс, характеризующийся сдвигами и смещениями, использованием старых форм и приемов в новом функциональном значении. К ней вполне применимы наблюдения, сделанные на материале прозы: «Эстетика постсоветской удмуртской литературы начинает складываться в творчестве сложившихся, признанных писателей, т. е. замена одного эстетического кода другим связана главным образом не с новыми

именами, а с новыми произведениями авторов старшего и среднего поколения...» [2]. Особое внимание начала привлекать к себе национальная театральная жизнь в восьмидесятые годы прошлого, которые были ознаменованы активными поисками форм художественно-сценической выразительности. Следует признать, что «застойные» годы в удмуртской драматургии при всей их противоречивости, отмечены немалыми достижениями и успехами. Известный исследователь русской драматургии М. Громова пишет, что «лучшие пьесы застойного времени вполне заслуживают определения “современная драматургия”». Об этом свидетельствует их непрерывная жизнь на сегодняшней сцене и интерес к их художественным достоинствам в литературоведческих исследованиях» [1].

В восьмидесятые годы в удмуртской литературе заявило о себе новое поколение самобытных драматургов, профессиональное становление которых тесно связано с творчеством «шестидесятников»: Е. Загребин (1937), Никвлад Самсонов (1946–2002), Г. Романова (1950), А. Григорьев (1952) и др. Искания этого поколения драматургов во многом были определены стремлением раскрыть через историю героя, его взаимоотношения с окружающим миром типичные черты современной жизни народа. Главное место в репертуаре тех лет заняла «социологическая» драма, обращенная к острым проблемам систем хозяйствования на селе, нравственным вопросам. Другой особенностью развития удмуртской драмы восьмидесятых годов является интерес к жанру водевиля и музыкальной комедии, возрождающих традиции национального фольклора. Особое значения для развития в удмуртской драматургии рассматриваемого периода «раскрепощенных» художественных форм имели комедии В. Садовникова «Сюан» («Свадьба») и «Меч яр дурын» («На крутом берегу»), водевиль Е. Загребина «Насьток но Исьток» («Анастасия и Степан»), которые трансформировали в себе народные истоки смеха, его веселую, жизнеутверждающую энергию.

Большой сценический успех имела пьеса Е. Загребина «Анастасия и Степан». Мастерски обыгранный автором курортный роман деревенского пастуха «...выдержал не одну сотню постановок, а вход в театр, штурмуемый зрителями, охраняла милиция» [3]. Сюжет пьесы построен на смешной, невероятной ситуации, но ее смысл серьезен, ибо речь идет о благотворной силе любви. В плане развития в удмуртской литературе 1980-х годов традиции социально-бытовой, социально-психологической драмы примечательно творчество А. Григорьева. Если проследить эволюцию творчества этого драматурга, то можно отметить, что в начале 1990-х годов его внимание переключается на углубление в мир героя «дна», на перипетии бытовых отношений, на возможности игры устного слова при создании диалога.

«Перестроечные» и «постперестроечные» годы стали в удмуртской литературе временем освоения новых жанровых форм. Расцвет документальных и публицистических жанров, характерный для националь-

ной прозы, захватил и драматургию. Речь идет о пьесах, обращенных к историческому материалу, в основе которых, как правило, документальный или фактический материал. Таковы пьесы Е. Загребина «Кикы нош силе но силе...» («А кукушка все кукует и кукует...») и «Ашальчи Оки», В. Агбаева «Жильирты, опимес» («Журчи, родники»), К. Куликова «Мы – весенние птицы», Никвлада Самсонова «Султэ – Герд!» («Герд – Встаньте!»). Для этих произведений характерна не только опора на исторический документ, но и активное желание выйти за границы документа, обращение к интуиции, вымыслу. Собственно здесь трудно провести четкую линию между реальностью и вымыслом, трудно установить, где писать опирается на документы, а где прибегает к фантазии, к поэтике мистических жанров. Явно тяготение авторов к надбытовому или «двуплановому» способу художественного обобщения, их стремление высветить глубинный смысл исторических событий, расширяющий содержательную емкость сюжета. Нетрадиционность произведений специально подчеркивается самими драматургами и в жанровом определении пьес: романтическая трагедия (Е. Загребин, Никвлад Самсонов), драма-воспоминание (В. Агбаев), драматическая исповедь (К. Куликов).

В ряду этих пьес особо выделяется трагедия Е. Загребина «А кукушка все кукует и кукует...», которая посвящена известному удмуртскому классику Кузебау Герду.

Драматург создал оригинальную, во многом спорную версию судьбы репрессированного поэта. В основе пьесы своеобразный конфликт возвышенного, романтического героя со своей средой, которая его и не понимает, и не принимает. Е. Загребин активно прибегает к фантастическим допущениям, соединяет разные временные эпохи, географические пространства. Так, к поэту является с «того света» мать. Символичен образ кукушки. Следует отметить, что удмуртской народной культуре образ кукушки имеет разные значения, но широко распространено поверье, связывающее кукование птицы с плохим предвестием. К примеру, прилет кукушки в деревню или ее кукование на крыше дома знаменует смерть, тяжелую болезнь, пожар. Кукушка также является вестницей с «того света». Своеобразное место занимает в пьесе «А кукушка все кукует и кукует...» образ ведуна, предсказывающего трагическое будущее писателя и создающего мистический фон пьесы. Эпизоды, воспроизводящие отношения Кузебая Герда с простым народом, наводят на определенные библейские аналогии, к примеру, поэт как и Иисус Христос раскрывает людям глаза, дает понимание о смысле жизни. Или еще один пример. Когда слепой мальчик начинает видеть, удмурты восклицают: «Николай Угодник, чудотворец!». В пьесе Загребина причудливо совмещаются христианская и языческая составляющие, помогающие перевести конфликт личности и общества в более широкий, общечеловеческий план. По версии Е. Загребина поэт чужд современному миру, но он нужен для движения истории.

Сосуществование и взаимодействие условно-театрального и жизненно-реального материала составляет важнейший признак современной удмуртской драматургии. В этом плане весьма показательна и пьеса К. Куликова «Мы – весенние птицы». В пьесе два действующих лица – Кузубай Герд и Ашальчи Оки, также вступившая в литературу в начале двадцатого века. Главной в пьесе является идея возвышения, возвеличивания одухотворенной личности. В произведении взаимодействуют, дополняя друг друга, два идейно-композиционных плана: романтически-символический и историко-реалистический. Автор намеренно сгущает драматическую атмосферу пьесы. Показательно при этом введение в ткань произведения вещих снов, видений и т. д. Все это связано с мечтой героев о светлом будущем родного края, неустанной борьбой за новое и радостное в жизни. Высокая устремленность героев, как и у Е. Загребина вступает в противоречие с тоталитарным режимом. Название пьесы «реализуется» в ее финале. В небесную высь устремляются два лебедя – символы вечности, преданности, нескончаемости жизни.

В осмыслении социального и духовного опыта народа в последние годы оказались интересными пьесы, построенные на фольклорно-мифологической образности. Таковы, в частности, пьесы на историческую тематику Е. Загребина «Эш-Тэрек», Т. Черновой «Айна», П. Захарова «Эбга», Г. Романовой «Шунды-Мумы» («Солнце – Матушка»). Сюжеты этих пьес свободны от исторической конкретики, авторы дают свою трактовку прошлой жизни народа, опираясь на предания и мифы. В этих пьесах речь идет о необходимости преодоления семейно-родового разобщения, об исконных общечеловеческих моральных ценностях. Удмуртские драматурги любят «украшать» свои пьесы, включая в их сюжеты различные фольклорно-песенные жанры: колыбельную, обрядовую, хороводную и др. В этих спектаклях присутствует своеобразный фон: пение птиц, шум воды, ветра и другие явления природы.

В общем обзоре современной удмуртской драматургии мы далеко не исчерпали всего написанного нашими авторами в последние годы, но все выше сказанное позволяет говорить о том, что национальная литература находится в состоянии творческого поиска.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учебное пособие / М. И. Громова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 6.
2. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: 10.01.02 – Литература Российской Федерации (финно-угорская): Автореферат дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2009. – С. 19.
3. Зайцева Т. И. «Делай, что должно, и пусть будет, что будет» // Удмуртская правда, 1997. 4 ноября.